

Н

ебольшой сверток в затертой желтой газете, обмотанный нитками, бережно завернутый в пла-ток, лежит в старом буфете. Мне всегда было интересно посмотреть, что там прячет бабушка и так старательно бережет? Я решила заглянуть в буфет, и на глаза сразу бросилась выцарапанная надпись на дма-це: «14 июля 43-го 6 утра умерла мама, 18 июля умерла от голода наша тетя Зина, 29 августа умер брат Коля. Осталась я». Мне стало как-то не по себе. Я поняла, что там самое дорогое, самое важное!

Позже я узнала от бабушки, что там она бережет военные письма, документы. Когда бабушка вспоминала о войне, о своих однополчанах, о родных, она плакала. Я плакала вместе с ней. Да, этот сверток — не книга с красивыми картинками, с глянцевыми страничками. Это старая бумага, залитая кровью и слезами. Для нас это — история. А для тех, кто был на фронте — память! Эти листочки хранят в себе любовь, страх, переживания, слезы, горечь, веру. Я надеюсь, что когда-то издадут книгу, в которой будут опубликованы письма с фронта, фотографии солдат и рассказ моей бабушки Анны Дорофеевны Лещенко.

Летом 1941 года бабушка вместе с другими молодыми девушками закончила Льговскую фельдшерско-акушерскую школу. Полные задора и энергии, спешили они получить свидетельства и окунуться в мирную трудовую жизнь.

«Пришли мы в город, — рассказывает она, — а у столба с тарелкой радио народ

столпился, изумленно слушает. «Что?» — «Война...» Мороз по коже. Получили мы свидетельства и направления на работу в Ракитянский район. Потом в Грайвороновскую больницу.

Работали месяц, второй, а вести с фронта все тревожней. Началась эвакуация районных учреждений. Идут воинские части день и ночь не на запад, а на восток, отступают. Мы, несколько девчонок-медичек бесприютных, присоединились к потрепанному в боях пехотному полку. И с ним колесили по тылам фронта. Прошли Касторное, Елец, миновали Ефремов, оказались в Калуге. Полк стал на оборону Москвы. А нас определили в быстро сформированный госпиталь на колесах из четырех вагонов-теплушек. На станции Рюриково загнали в тупик. Раненые идут, ползут, на костылях прыгают. А фашистские стервятники летают, яростно бомбят. Мы вынесли неходячих, убежали в кюветы прятаться. Раненые, кто мог, повывалились из вагонов, ползут за нами. Четыре медсестрички наши погибли... Вот вспоминаю и слезы не могу удержать. Это было первое мое боевое крещение.

Собрали мы раненых, медпринадлежности, что уцелели, и двинулись через Алексин на Тулу. Но ее окружили танковые войска Гудериана, прибыл братъ город и полк СС «Великая Германия». Помню, шли мы окрестностями, и душа кровью изливалась: маленькие церквушки, храмы, которые в недавнем времени работали, в которые люди приходили на службу, чтобы помолиться о родных, близких, попросить о спасении... — все было

пусто. Теперь они стояли разломанные от фашистов, брошенные. Так мы и не заметили, как оказались сами в окружении. Командиры говорят: «Ну, девушки, спасайтесь, кто может. А мы будем воевать».

Временами, мысль о том, что скоро нас, наших родных не станет в живых, настигала нас. Но спасала вера в чудо, вера в Бога. На наших глазах умирали наши знакомые, с которыми буквально минуту назад мы стояли, разговаривали, которых видели, надеялись на их будущую счастливую жизнь. Их жизнь только начиналась. А теперь их нет... «Царство им небесное», — тихо мы проговаривали с девочками, веря, что Господь наградит их небесным спокойствием.

Мы, трое девочек — Мария Котова, Аня Медведева из Рыльска и я, — собрали свои сумкиные пожитки в кузовки и двинулись в путь. Куда? Да куда люди идут. Потом разобрались: нам надо на юг. Спрашивали дорогу на Брянск, потом на Льгов. Немцы на машинах проезжали, песни горланили, на губных гармошках играли... А мы у сельских жителей просились на ночлег и просили помощи у Бога, лишь бы в живых остались... Люди сочувствовали, кормили нас, хлеба, картошки давали.

Зимою, в январе 42-го, вернулась я домой в Нижние Деревеньки. Отец был «в бегах»: прятался от немецких карателей. Во Льгове немцы пытали, расстреливали жителей — фашистский порядок наводили. А зимой 1943-го пошли слухи, что наши немцев из Курска гонят. Потом и мы увидели, что немцы суетятся, с места на место орудия переставляют, пулеметы перетаскивают. Наши солдаты уже в лес Оброчный прорвались. Фашисты стреляют в сторону леса из нашей деревни. Слышна стрельба из Сугрова по Холодной Горе.

У немцев по задворью улицы Дворянской была связь протянута с Соловьевки на Холодную Гору. Дед Никита Нешин дал мне топор, говорит: «Руби, внучка, иди руби провод». Я побежала, рубанула два раза, провод отскочил в разные стороны. А около меня пуля просвистела, немец стрелял. Я бросилась бежать, он — за мною. Я то по улице, то за сараями подбежала к Соловьевке, перелезла через плетень, кинулась дальше и полетела, словно в преисподнюю, — провалилась в яму. Схватилась за

ногу, которую сильно ушибла, сижу и думаю: «Ну, все, тут и смерть моя». Слышу немец подбежал к хате Елены Меркуловой, ругается по-своему и спрашивает: «Во ист партизан?!..» Выгнал ее и детишек, а хату запарил.

Просидела я в яме сутки, страшно замерзла. Держала деревянный крестик в ладони, который носила на шее, и только твердила: «Господи, помоги! Господи, помоги!» На другой или на третий день, уже не помню, на пепелище оказались две женщины с собачкой — Елена Меркулова и Александра Россихина. Собака подбежала к яме и начала лаять. Женщины подошли посмотреть и увидели меня. Принесли веревку и помогли мне выбраться.

В Нижние Деревеньках шел бой. Приснилось мне однажды сон. Видится мне какая-то икона. Проснувшись, я поняла, что не просто так ко мне икона явилась, но какая именно, я не знала. Я пришла в храм, решила спросить у батюшки, описала ему эту икону. А он говорит: «Это Курская Коренная икона Божией Матери «Знамение», вот уже много веков она оберегает нашу Курскую область». Сон был в руку. Какие-то немцы бросились на машине по льду к дороге у санатория. Но они не знали, что река не замерзла, и угодили в воду.

Как освободили Льгов, я сразу пошла работать в санаторий. Там был госпиталь. Мы — Мария Нешина, Валентина Рышкова, Мария Киреева и я — собирали раненых, одних направляли в госпиталь, других размещали по хатам в деревне. Я работала медсестрой в отделении с черепно-мозговыми ранениями. Потом наш госпиталь направили в Киев. Там пережили налет. Все, кто мог, из вагонов бросились в стороны. Я вскочила в бомбовую воронку, согнулась в три погибели и шепчу: «Господи, спаси меня...» Креститься не умела, но рукою махала.

А под Проскуровым пришлось знаменитого генерала Рокоссовского повидать. И не только повидать, но и поухаживать за ним. Начальник нашего хирургического отделения Зинаида Андреевна Кареева говорит: «Аня, будешь таблетки носить генералу Рокоссовскому». Я говорю: «Ой, лучше кто-либо другой! Я боюсь». Она смеется: «Ты же солдат, Аня...»

После перевели меня в Харьков, в мед-

часть военного авиационного училища. Побyla я там совсем недолгое время. Пришел к нам однажды солдат один, такой высокий, стройный... Взглянул на меня своими яркими, красивыми, карими глазами, подошел ко мне, спросил мое имя, а я остолбенела. Говорит: «Приходи, Анька, со своими подружками. Сегодня у товарища моего день рождения, собираемся отмечать». А девочки стоят, смеются, шепчутся между собой. Уже вечером собирались мы выйти с подругами на улицу, прогуляться, только открываем дверь, а там стоят парни, улыбаются, и среди них тот самый, кто приходил к нам еще днем. Так мы и познакомились, звали его Сергей. Всю ночь сидели у костра, один из друзей Сережи принес гитару, начали петь песни.

Победа нас застала в Польше. Сколько радости было: мы пилотки бросали вверх, плясали. Раненые — костыли в стороны и тоже плясать, обнимаются, целуются, кричат: «Ура!!!» и стреляют вверх, у кого оружие». Война закончилась. Думала, начнется новая, счастливая, спокойная жизнь. А оказалось, что не все еще испытания приготовила мне судьба...

Сереза учился в летном училище. Стал летчиком-испытателем. А я ходила в церковь, чтобы свечу поставить, попросить о том, чтобы каждый взлет его заканчивался посадкой. К какой иконе обратиться, я не

знала, спросила у монахини, а она меня отвела к иконе Николая Чудотворца. Однажды один товарищ Серези заболел и попросил заменить его. Сергей согласился, полетел вместо него. В тот день я чувствовала, что не то что-то. Сердце было не на месте, но приходящие в голову мысли я старалась убрать. На следующий день звонок в дверь. Я открыла: передо мной стоят его друзья, снимают фуражки. Они доложили мне о том, что ночью Сергей погиб.

— Передать чувства, которые я тот момент испытала, — сказала бабушка со слезами на глазах, — я не смогу никогда. Так никто и не знает, почему самолет взорвался в тот момент... На все воля Божья.

Домой бабушка вернулась в январе 1946 года и поступила работать медсестрой в железнодорожную больницу. Проработала там 50 лет. Имеет награды: орден Отечественной войны, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За доблестный труд», юбилейные медали. Ряд благодарностей от Сталина, Конева, знак «Отличник медслужбы». Сейчас бабушке уже очень много лет, а в лице ее все еще светятся искринки боевой, неумной молодости.

Арина ГАМАЛИЕНКО,

ученица 10 класса
школы № 1861 «Загорье»,
г. Москва